

An-Na'im Philadelphia. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. – P. 44–74.

11. Jacques M. The Rights of Man and Natural Law / M. Jacques. – London: Geoffrey Bless, 1958. – 119 p.

12. Leary V. Post-liberal Strands in Western Human Rights Theory Personalist-Communitarian Perspectives in: Human Rights in Cross-Cultural Perspectives / V. Leary // A Quest for Consensus / ed. Abdullahi An-Na'im Philadelphia. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. – P. 105-132.

13. Maritain J. The Rights of Man and Natural Law / J. Maritain. – London: Geoffrey Bless, 1958. – 119 p.

14. McDonald M. Human Rights and Western Liberalism, in Human Rights in Cross-Cultural Perspectives / M. McDonald // A Quest for Consensus / ed. Abdullahi An-Na'im Philadelphia. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. – P. 133-161.

15. Schneck S. F. Person and Polis, Max Scheler's Personalism as Political Theory / Stephen Frederick Schneck. – N.Y.: State University of New York Press, 1987.

И. В. Рынковой

ФЕНОМЕН ЧУДА

В настоящей статье рассматривается проблема истинности чуда, явления, которое феноменально и таинственно по своей сути. Путем философско-религиозного анализа автор раскрывает онтолого-гносеологические и антропологические аспекты рассматриваемого явления. *Ключевые слова:* теория и история культуры, феномен чуда, чудеса в православии, ложный мистицизм.

In this article the problem of the truth of miracle, its phenomenon is under consideration. It is phenomenal and mysterious in its essence. By philosophical – religious analysis the author reveals ontological-gnosiological and anthropological aspects of the phenomenon which is under consideration. *Keywords:* theory and history of culture, the phenomenon of miracle, miracles in Orthodoxy, a false mysticism.

Понятие «чудо» в переводе с лат. *miraculum* означает «невиданное» или *absurdum* – «неслыханное». И знаменитая фраза Тертуллиана «*Credo guia absurdum*» вовсе не говорит об абсурдном, а переводится как «верую, потому что *неслыханно* (чудесно)».

Говоря о чуде, мы непременно сталкиваемся с проблемой *истинности чуда*. Истинное чудо можно рассматривать как с психологической, так с онтологической и философско-религиозной точек зрения. Психологически – чудо производит на душу потрясающее впечатление. Как явление онтологическое чудо – это проявление сверхъестественной силы Божественного всемогущества в фактах обыденной жизни. Как явление философско-религиозное чудо всегда имеет определенную цель, смысл и глубокое религиозно-нравственное значение,

открывающее людям существо Божественной любви и правды.

При рассмотрении феномена чуда возникает естественный вопрос: какой подход («чисто» религиозный, научный или же философско-религиозный) необходимо использовать при изучении проблемы чуда?

Несомненно, религия признает чудо. Наука, ставящая своей задачей точное объективное доказательство проверенных опытом явлений, подходит к явлениям чуда с попыткой научного освещения, так как обман в таких случаях законно вскрывается научным методом проверки, и многие явления, непонятые в настоящее время, со временем могут быть объяснимы научно.

Но, прежде всего, необходимо определить, что называется в религии чудом. Чудом называется такое явление, которое не только необъяснимо в

настоящее время, но и вообще никогда не может быть объяснимо «до конца» только с научной точки зрения. Так, святитель Дмитрий Ростовский чудом называет «то, что бывает выше естества».

«Все последние основы положительной науки: естество материи, естество энергии, их взаимная связь, естество души, ее связь с телом, тайну жизни, тайну мысли, тайну любви, силу меры, разума и числа в мире, и в особенности сущность и власть духа, – пишет И. А. Ильин, – все это мы можем исследовать без надежды исчерпывающе познать. И от всего этого великие ученые поднимали свой взор к Богу и воздавали Ему хвалу за воспринятое ими величайшее чудо» (2, с. 203).

Обратимся к некоторым из многочисленных чудес, которые до сих пор являются неразгаданной тайной для науки.

Вот уже много веков на Гробе Господнем в Иерусалиме раз в год совершается феноменальное явление – схождение *Благодатного Огня*. Данное явление не поддается научному объяснению, и главное то, что чудо происходит накануне православной Пасхи. В этот день к Гробу Господню стекаются тысячи людей со всего света, среди них не только православные, но и инославные, и даже иноверцы.

Первое упоминание об этом чуде появляется в IV веке. Об этом свидетельствуют историк Евсевий, многочисленные паломники, а также опубликованное в Париже исследование Бенедиктинского монаха Дона Каброя (IV–V века).

В XVI веке представители армянской Церкви решили оспорить у православных приоритет в получении Благодатного Огня. Затворившись в храме и никого туда не пуская, армяне молились в ожидании чуда. Православные же молились вне храма, надеясь, что армяне поделятся с ними Благодатным

Огнем. Но внезапно Благодатный Огонь вышел из монолитной колонны, оставив расщелину. С тех пор уже никто из представителей иных христианских конфессий не претендует на первенство получения Благодатного Огня. Уже тысячу лет на страже Гроба Господня стоят православные иерархи. И интересен тот факт, что получить Благодатный Огонь в Великую Субботу приходят и мусульмане, которые называют его «Огнем с Неба».

В 1582 году, когда римский папа Григорий XIII ввел новый календарь, время схождения Благодатного Огня не менялось, и Он продолжал сходить только в Великую Субботу православной Пасхи по старому стилю.

Несомненное чудо представляет собой *Туринская плащаница* Иисуса Христа, в которую Он был обернут при погребении. В течение многих веков плащаницу исследовали выдающиеся физики, химики, археологи, анатомы, скульпторы, живописцы, историки, фотографы и юристы. И многочисленные исследования подтверждают подлинность полотна, прикрывавшим святое тело Иисуса Христа.

Процитируем лишь один фрагмент описания плащаницы по результатам химических анализов: «<...> Лицо изувечено: перебита носовая кость, опухла левая щека и рассечена скула. И в то же время на лице царственная ясность и покой, – лицо неповторимое в мире. Трудно себе представить, ибо это слишком было бы неправдоподобно, чтобы это было тело не Иисуса Христа. Кто же другой в истории, при всех описанных обстоятельствах и признаках, мог иметь такие же раны, так же умереть распятым на кресте, в ту же эпоху, среди того же народа, чтобы его не успели обмыть и помазать, чтобы плащаница все же была приготовлена, чтобы кто-либо другой имел такое изумительно-прекрасное единственное в мире лицо, кто бы так

же, как Христос оставался бы не более 2–3 дней на плащанице, ибо в противном случае не было бы вообще изображения на полотне, так как тление (уже не испарения) уничтожило бы ясные пятна и очертания на нем» (6, с. 527).

Среди многочисленных чудес в православии необходимо отметить и нетление мощей святых угодников, мироточение икон, появление нерукотворенных образов и мн. др.

Философская проблема чуда сводится к вопросу: возможно ли чудо как явление, которое не может быть объяснено с научной точки зрения? Можно ли, например, всякое явление природы или всякое совершающееся в мире событие объяснить одними только законами природы, не прибегая к божественной помощи и к вере в божественное чудо?

Профессор С. А. Франк в своей статье «Религия и наука» говорит: «Механика Галилея учит, что все тела, независимо от их удельного веса, падают на землю с одинаковой быстротой и ускорением; “противоречит” ли этому закону общеизвестный факт, что пушинка падает на землю гораздо медленнее, чем железная гиря, или что в воде дерево совсем не падает? “Нарушается” ли этот закон тем, что аэроплан вообще не падает, а способен подниматься вверх и лететь над землей? Очевидно нет. Ибо закон Галилея, подобно всем законам природы, содержит молчаливую оговорку: “при прочих равных условиях”, или “если отвлечься от всяких посторонних влияний”» (цит. по: 6, с. 514).

Если признать тот факт, что одними законами природы нельзя объяснить самого существования мира или природы, а также и самих законов природы, то существование мира и его законов также является чудом. Профессор М. М. Новиков, действительный член Нью-Йоркской Академии Наук, в своей статье «Путь естествоис-

пытателя к религии» пишет: «Одним из самых поразительных в истории наук оказался тот факт, что физика – эта прочнейшая основа прежнего материалистического естествознания, стала на путь идеалистически. Она пришла к выводу, что физические явления определяются духовной божественной силой» (цит. по: 6, с. 599).

В данной статье хотелось бы обратиться к пониманию чуда в православии. Следует отметить, что Евангелие начинается не с чудес, но с родословия, чтобы показать, что Тот, о Ком далее пойдет речь, действительно, согласно пророчествам, является «сыном Давида, сыном Авраама» (Мф. 1,1). Далее сказано, что Он «от Духа Святого» (Мф. 1,18) и что о Нем засвидетельствовали ангелы (Лк. 2, 9–14).

Повествуя о чудесах Иисуса Христа, евангелисты отмечают удивление, которое они вызывали у окружающих (Лк. 8,25; Мк. 6,51; 7,37). Однако нравственное значение чудес не ограничивается здесь простым удивлением. Чудо – есть не просто изумительное событие, свидетели которого не могут истолковать его известными законами, оно призвано пробудить человека от духовного сна, от чувственной жизни, открыть свое мысленное око и внять духовному призыву, который к нему обращен.

Кроме того, евангельские чудеса важны не столько сами по себе, сколько потому, что свидетельствуют о силе Того, Кто их совершает и Его связи с высшим миром. Сверх обыкновенных естественных явлений мы встречаем здесь высшие силы, которые делаются явными, ощутимыми при непосредственном исхождении от своего источника.

«Истинность христианской религии, – пишет проф. П. Светлов, – доказывается, наконец, не только применением *фрагментического* критерия или ее внутренними особенностями – ее не-

сравненными величию и красотой, – но и применением внешнего, *научно-исторического* критерия – ее историческим происхождением, или Божественным характером Личности ее Основателя, являющегося не только в Своем учении, но и на деле могущественным Посланником и Сыном Божиим, пришедшим спасти мир» (1, с. 113).

Далее вопрос о чуде в православии имеет свои особенности: его нельзя свести к простой оппозиции: либо естественное – либо сверхъестественное, либо законы природы – либо их нарушение. Если внимательно изучать Евангелие, то можно увидеть, что часто отрицается чудо как «причина веры», как доказательство Божьего бытия. Так, о Христе сказано, что в одном месте Он не смог совершить чудес из-за неверия людей (Мф. 13, 58). Кроме того, давая определение чуда в православии, важно подчеркнуть, что не вера рождается от чуда, а *чудо от веры*.

Такое понимание исключает всякое привлечение людей к Богу лишь путем «сверхъестественных» доводов и доказательств. И «принятие» Христа в образе нищего, гонимого, бездомного человека как Бога, Спасителя и Учителя начинается не с «доказательств» *от чуда*, а по любви, когда человек следует своему сердечному зову. Именно такого притяжения хочет и ищет Сам Христос, говоря: «Если любите Меня, заповеди Мои соблюдайте...» (Ин. 14, 15).

Вспомним евангельское повествование о явлении воскресшего Спасителя двум ученикам – Луке и Клеопе на пути в Эммаус. Дорогою они беседовали между собою о всех событиях, которые произошли в последние дни в Иерусалиме – о страданиях и смерти Спасителя. Когда же они рассуждали о случившемся, Сам Иисус Христос приблизился к ним и шел рядом с ними, бе-

седуя и изъясняя пророчества о Мессии. В этот момент они не узнавали Его, но все непонятное для них становилось ясным. Так в разговоре они подошли к Эммаусу. Ученики пригласили Иисуса к трапезе, и когда Он возлежал с ними за столом, благословляя и преломляя хлеб, то у них «открылись глаза», и они узнали Иисуса Христа. Но Он стал невидим для них. Клеопа же и Лука в великой радости стали говорить друг другу: «*не горело ли радостью в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?*» (Лк. 24, 32).

Перед нами удивительный факт – на учеников действует не собственно чудо, когда вдруг таинственный собеседник становится невидимым, а *не-что*, совершаемое в их сердцах. Истина открывается здесь чуткому, любящему сердцу, которое способно откликаться и отворяться, чтобы узнать и принять в себя Бога.

Вместе с тем мы видим, что в Евангелии описано множество чудес: чудесных исцелений, воскрешения мертвых и т.п. Как же совместить эту несомненную «чудесность» христианской веры с отрицанием ею чуда как простого доказательства?

Христос творил чудеса не для того, чтобы «доказать» Свою Божественность или заставить людей поверить в Себя, но всегда потому, что любил, жалел и сострадал, показывая тем самым путь, где в любви становится возможным то, что по-человечески кажется невозможным. Николай Бердяев писал, что «Христос Сам был чудом, Его жизнь была чудесной».

Интересен тот факт, что в Священном Писании Чудеса часто именуются «силами». Так, исцеление расслабленного (Мк. 2, 1–12) было чудом для свидетелей, которые этому изумлялись, но здесь была проявлена и некая божественная сила по отношению к человеку, который по слову Господа «встал,

взял постель свою и пошел» перед всеми; а для всех это было знамение того, что посреди них находится некто великий.

Не менее интересен другой термин, употребляемый апостолом Иоанном. Для него проявление чудес – это просто «дела», когда чудесное является естественной формой делания для Того, в Ком он видел полноту Божию. Как солнце в небесном пространстве само по себе чудесно, но вовсе не удивительно то, что оно, будучи солнцем, распространяет свет и тепло.

При этом во всех Евангелиях чудо составляет не столько прославление Христа Иисуса за Его дела и учение, а его *уничтожение* – Он славен в своем беспримерном бесславии.

Если обратиться к теме страдания в христианстве, то надо отметить, что оно «приложило идею гармонии к тому, что дотоле признавалось негармоничным», и слова апостола Павла о том, что он «хвалится о кресте» выражают основу христианской веры и вместе с тем указывают на «существование в христианстве нового сочетания элементов прекрасного, – сочетания, казавшегося языческому уму самым грубым из парадоксов, – сочетания славы с страданием» (5, с. 601).

Олицетворением этого нового эстетического идеала является Сам Христос, соединяющий в своем Лице несоединимые элементы – славу и поношение. Стоя под тенью креста, Христос оставляет миру Свой мир, и, смотря в лицо смерти, Он говорит о полноте Своей радости.

Здесь перед нами феноменальное явление, когда глубочайшее унижение человеческого достоинства приводит к величайшей славе Сына человеческого. Так на пути в Эммаус Он говорит своим спутникам: «*Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?*» (Лк. 24,26).

Интересным моментом является

вопрос о царском величии и желании царства. Основатель христианства в Своем желании царства отличается в образе осуществления этого желания. Так, окружавшие Христа римляне и иудеи старались господствовать над людьми путем стремления к владычеству, которое нужно было приобретать физическим оружием и поддерживать физической силой. Но Христос показывает, что такое владычество не является собственно источником человеческого величия, и в строжайшем смысле слова оно вовсе не есть царство. Сознывая тот факт, что власть, которая, подобно римской и иудейской, имела претензии быть теократической, могла быть прочною только при внутреннем управлении, Он своим примером доказал, что никакую верховную власть нельзя назвать священной, коль скоро она не влияет прямо на дух человека.

Христос сознавал, что истинное седалище царской власти находится в *сердце* народа, которое можно подчинить только любовью, а любовь можно доказать только жертвою. И именно из этой мысли возник великий христианский принцип «*кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою*» (Мк. 9, 35), иначе сказать «кто хочет быть большим, будь меньшим». Слава подвига и жертвы здесь выше славы естественной.

Таким образом, чтобы «быть царем» в совершеннейшем смысле, нужно властвовать над сердцем, но чтобы властвовать над сердцем, необходимо, чтобы сам властитель стал подчиненным. Тот, кто хочет приобрести любовь других, наперед сам должен проникнуться любовью к другим; прежде чем пленить, он сам должен быть пленен. Вдохновенный этим глубоким принципом нравственности, Иисус Христос действительно стремился к основанию царства, построенного не на физической и не на интеллектуаль-

ной силе, а на той силе, которая коренится в самой природе человеческой – на пленении любовью.

Далее в Евангелии сказано: «Если не будете как дети, то в Царство Небесное не войдете; Будьте просты как голуби и мудры как змии» (Мф. 18, 5; 10, 16). Преподобный Антоний Великий говорил, что при помощи простоты святые соединяются умом с Богом. Эту мысль развивает и подвижник начала XX века праведный Иоанн Кронштадтский, который говорил: «В молитве будь как дитя лепечущее». Перед нами одна из самых важных гносеологических сторон христианства – простота веры делает человека способным воспринять внутрь себя *Истину*. При этом, будучи действенной в сердце человека, Истина не требует объяснения или доказательств.

Многие подвижники, как в древности, так и в наше время имели дар чудотворений. Святые чудотворцы, как при жизни, так и после своей смерти, совершали чудеса благодатной помощи всем притекающим к ним с верой: воскрешали умерших, исцеляли больных, по их молитвам совершались чудеса и над природными стихиями. При этом удивляет их глубокая и детская вера, которая только подчеркивает величие Творца, внимающего просьбам своих возлюбленных чад настолько, что порой повелевает светилам остановиться в своем ходе.

Так, в житии египетского монаха Патермуфия описывается удивительное чудо. Ему было открыто от Бога, что некий брат, живший в особой отшельнической келье близ одного селения, смертельно заболел, и преподобный поспешил навестить его. Из-за длительного пути Патермуфий запоздал в дороге. Заходило уже солнце, и святой не хотел в это время, ночью, пройти в то селение, соблюдая слова Господа: «Ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма» (Ин. 12,35),

а также «Кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего» (Ин. 11, 9). Движимый силой веры, святой обратился к почти уже зашедшему солнцу с просьбой стать на своем пути и подождать до тех пор, пока он не войдет в селение. Наполовину сокрывшееся солнце остановилось и стало светить только одною половиною, словно ожидая до тех пор, пока святой не вошел в селение. Жители же того селения, видя, что солнце так долго не заходит, и с удивлением смотрели на совершившееся чудо (4, с. 49).

Отсюда и чудеса Христа Спасителя, Которому повинуются ветер и волны, были своего рода пророчествами о том, что через совершенное послушание воле Божией человек способен возвратиться к святости и бессмертию, восстановить свое господство над природой.

Величие Бога, проявляющее себя в «чудесах», необъяснимых естественным путем, свидетельствующих о Его власти над природой мира и человека, заключает в себе нечто величайшее. И по мере того как обогащается, крепнет и углубляется религиозный опыт человека, происходит открытие особого видения мира, «согласно которому сама ткань мироздания во всей его сопринадлежности, многожизненности, закономерности и динамичности есть великое Божие чудо – подлинно сущее, а в своем происхождении и в своих главных основах необъяснимое, премудро устроенное и Богу покорное» (3, с. 203).

В любви человек преодолевает свою естественную ограниченность и открывает высший закон природы, в котором раскрывается царственное достоинство человеческого духа.

Тайна чуда в христианском его понимании неотделима от тайны свободы, от назначения человека в этом мире, его места в природе и по отноше-

нию к ней. И в этом смысле чудо в православии – это совсем не нарушение законов природы, а *высшее, предельное исполнение* этого закона. И даже сам закон природы открывается и воспринимается как некое необъяснимое

в своей глубине и мудрости чудо. Основное отличие христианского чуда в том, что чудо здесь есть плод любви, а любовь – это самый таинственный и самый глубокий из всех законов природы.

Примечания

1. Вера и разум: [популярная православная энциклопедия]. – Киев, 2004.
2. *Игнатий (Брянчанинов)*, святитель. Творения / Игнатий (Брянчанинов), святитель. – СПб., 1905. – Т. 4.
3. *Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – Минск, 2006.
4. История египетских монахов. – М., 2001.
5. Самобытность христианства (апологетический очерк) // Христианское чтение. – 1879. – № 11–12.
6. *Слободской С.* Закон Божий / С. Слободской. – СПб., 1997.

Р. Р. Тазетдинова

АНТИНОМИЯ И ЛОГИКА ФЕНОМЕНА АРТИСТИЗМА

Артистизм в своем становлении во многом спонтанен, хаотичен и как расположение в *Другом* отчасти случаен. Хотя субъективно-психологические факторы являются определяющими в его существовании, антиномичность природы и сопричастность с игрой обусловили необходимость обращения к логике, нацеленной в первую очередь на философско-культурологическую трактовку понимания артистизма. *Ключевые слова:* теория и история культуры, атрибутивное суждение, предикат, субъект, артистизм, «неевклидова» логика, театральность, множественность, игра.

Virtuosity in the becoming in many respects is spontaneous, chaotic and as location in “Friend” partly casual. Though subjective – psychological factors are determining in his existence, the antinomichnost nature and participation with game, has caused necessity of the reference to the logic aimed first of all on philosophical-culturological treatment of understanding of virtuosity. *Keywords:* theory and history of culture, attributive judgement, a predicate, the subject, virtuosity, not Evklid logic, theatricality, plurality, game.

Основной целью настоящей статьи является попытка понять специфику феномена артистизма с помощью логики. Дело в том, что в обилии публикаций по исследованию феномена артистизма просматривается некая избыточность в проблематике вопроса или сама проблема в общей своей формулировке вдруг оказывается чрезвычайно необычной. Как бы то ни было, прекрасное всегда «подчинялось истине, а эстетика – логике» (8, с. 81). Возможно, Х. Ортега-и-Гассет и был прав, считая что «эстетика – это квадратура круга, а следовательно, занятие довольно унылое» (11, с. 65). Но «унылость» – всего лишь вопрос точки зрения. Сама постановка вопроса предполагает, что

указанная нами некая избыточность – «лишнее» и что обоснование целесообразности данной статьи находится в прямой зависимости от обсуждения действительно *необходимой* проблемы: проблемы логики в научном тексте. В сфере современных философско-культурологических исследований артистизма, отчасти претенциозных, но, несомненно, привлекательных, популярны идеи Р. Бажановой, Б. Бернштейна, О. Кривцуна, С. Лишаева, В. Савчука и других. При этом необходимость теоретических поисков определяет уровень проблемности и отнюдь не исключает принятия неочевидных решений.

«Неевклидовость» феномена арти-